

Научно-исследовательский журнал «International Law Journal»

<https://ilj-journal.ru>

2025, Том 8, № 2 / 2025, Vol. 8, Iss. 2 <https://ilj-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

УДК 343.1

Сравнительно-правовой анализ запретов и ограничений, применяемых при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий по российскому законодательству и законодательству зарубежных стран

^{1, 2} Сидоров Я.Ю.,

¹ судья Центрального районного суда г. Хабаровска,

² Российский университет правосудия, Дальневосточный филиал

Аннотация: сравнительно-правовой анализ избрания мер пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий в странах с различными правовыми системами позволил сделать выводы о необходимости модернизации норм национального законодательства в части совершенствования подхода к исполнению запрета определенных действий. Так, в настоящий момент имеются условия для дальнейшего развития данной процессуальной нормы, ее совершенствования и возможности более тщательного и скрупулезного регулирования правомерного поведения преследуемого лица в период предварительного расследования и судебного разбирательства. Во-первых, целесообразным видится расширение законодательного перечня запретов за счет включения в такой перечень запрета на приближение. Исполнение такого запрета может быть обеспечено посредством применения электронных средств слежения. Во-вторых, актуальным будет введение в законодательство правил, дающих судам право по своему усмотрению с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений, устанавливать в отношении преследуемого лица иные меры, обеспечивающие его надлежащее поведение и изоляцию от общества, что позволит добиться более эффективного уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: домашний арест, запрет определенных действий, запретительный приказ, запрет на приближение, избрание мер пресечения

Для цитирования: Сидоров Я.Ю. Сравнительно-правовой анализ запретов и ограничений, применяемых при исполнении меры пресечения в виде домашнего ареста и запрета определенных действий по российскому законодательству и законодательству зарубежных стран // International Law Journal. 2025. Том 8. № 2. С. 18 – 24.

Поступила в редакцию: 22 ноября 2024 г.; Одобрена после рецензирования: 19 января 2025 г.; Принята к публикации: 19 марта 2025 г.

Comparative and legal analysis of prohibitions and restrictions applied in the execution of a preventive measure in the form of house arrest and prohibition of certain actions under Russian and foreign legislation

^{1, 2} Sidorov Ya.Yu.,

¹ judge of the Khabarovsk Central District Court,

² Russian University of Justice (Far Eastern Branch)

Abstract: a comparative legal analysis of the choice of preventive measures in the form of house arrest and prohibition of certain actions in countries with different legal systems has allowed us to draw conclusions about the need to modernize national legislation in terms of improving the approach to the enforcement of prohibitions of certain actions. Thus, now there are conditions for the further development of this procedural norm, its improve-

ment and the possibility of more thorough and scrupulous regulation of the lawful behavior of the persecuted person during the preliminary investigation and trial. Firstly, it seems advisable to expand the legislative list of prohibitions by including a ban on approaching in such a list. The enforcement of such a ban can be ensured by the use of electronic tracking devices. Secondly, it will be relevant to introduce rules into legislation that allow courts, at their discretion, taking into account the data on the identity of the suspect or accused, the actual circumstances of the criminal case and the information provided by the parties, to establish other measures against the persecuted person to ensure his proper behavior and isolation from society, which will allow for more effective criminal proceedings.

Keywords: house arrest, prohibition of certain actions, restraining order, prohibition of approach, choice of preventive measures

For citation: Sidorov Ya.Yu. Comparative and legal analysis of prohibitions and restrictions applied in the execution of a preventive measure in the form of house arrest and prohibition of certain actions under Russian and foreign legislation. International Law Journal. 2025. 8 (2). P. 18 – 24.

The article was submitted: November 22, 2024; Approved after reviewing: January 19, 2025; Accepted for publication: March 19, 2025.

Введение

Для системного понимания генезиса запретов и ограничений в российском уголовно-процессуальном законодательстве, динамики и дальнейшей перспективы их развития и дополнения представляется обоснованным рассмотреть таковые сквозь призму схожих правовых институтов в уголовном процессе зарубежных стран, в частности стран с англосаксонской и романо-германской системами права, а также стран постсоветского пространства, определив при этом схожие черты и принципиальные различия.

Среди многих ученых-процессуалистов существует мнение, что мера пресечения в виде запрета определенных действий заимствована из законодательства континентальной Европы. Так, например, А.В. Квык отмечает, что данная мера пресечения не была известна ни советскому, ни российскому уголовно-процессуальному законодательству, ни законодательству постсоветских республик [4]. Аналогичная позиция вполне применима и к домашнему аресту.

Несомненно, такая точка зрения имеет право на существование, что обусловлено в первую очередь схожестью положений запретов, установленных ч. 6 ст. 105.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [1] с теми запретами и ограничениями, которые включены в положения уголовно-процессуального законодательства стран, не имеющих постсоветского наследия.

Однако, запрет определенных действий в качестве меры пресечения, которая может избираться самостоятельно в отрыве от иных мер пресечения, характерен только для российского и белорусского уголовно-процессуального законодательства. Сказанное предопределяет актуальность вопроса о сравнительно-правовом анализе специфики исполнения запрета определенных действий и домашнего ареста в законодательстве различных стран мира.

Материалы и методы исследований

В рамках исследования использовались преимущественно методы сравнительно-правового анализа. Среди таких методов – микросравнение, с помощью которого анализировались нормы права в части избрания домашнего ареста и запретительных мер в различных странах. При использовании макросравнения анализировались меры пресечения в контексте романо-германской и англосаксонской правовых систем.

Результаты и обсуждения

Рассматривая законодательство стран Европы в части запретительных мер, можно отметить, что они относятся к мерам судебного или процессуального контроля. Так, во Франции в рамках меры пресечения в виде судебного контроля, заключающейся в применении различных сочетаний 19 установленных ограничений, обвиняемому может быть запрещено выходить за территориальные границы, определенные судьей, отсутствовать по месту жительства или же посещать определенные места и воздерживаться от встреч с определенными лицами [7]. При нарушении ограничительных мер судебного контроля может последовать применение более жестких мер, таких, как предварительное заключение (ст. 141-2 Уголовно-процессуального кодекса Франции). Однако, принятие решение о целесообразности замены меры пресечения возлагается на усмотрение суда.

Уголовно-процессуальный кодекс Италии (далее – УПК Италии) [14] характеризуется достаточно широким перечнем мер пресечения. Аналогично законодательству других государств англосаксонской и романо-

германской правовых систем, итальянское уголовно-процессуальное законодательство предусматривает предварительное заключение (по сути и содержанию схожее с заключением под стражу, избираемое по решению суда в Российской Федерации). Одной из характерных особенностей итальянского уголовного процесса является то, что право на применение предварительного заключения наряду со следственным судьей предоставлено прокурору и претору.

Статьями 272-315 УПК Италии [14] определен порядок избрания особых мер, направленных на предотвращение возможности лица скрыться от органов предварительного расследования. Такими особыми мерами являются меры предосторожности. Вместе с тем, возможность избрания мер пресечения предусмотрена исключительно при наличии необходимых и надлежащих доказательств того, что лицо совершило преступление.

Меры предосторожности, предусмотренные итальянским уголовно-процессуальным законодательством, дифференцированы в зависимости от целей их применения (принудительные, запретительные и реальные). Так, принудительные меры направлены на понуждение лица к совершению определенных действий в рамках процесса предварительного расследования (например, обязанность явиться в ближайший полицейский участок или обязанность проживать в определенном месте). Запретительные меры запрещают совершать определенные действия, например, временно занимать определённые должности или заниматься определенной профессиональной деятельностью. Реальные меры применяются тогда, когда накладывается арест. Анализируя итальянское уголовно-процессуальное законодательство важно отметить, что меры предосторожности, исходя их содержания, схожи с запретами определенных действий, предусмотренные нормами российского законодательства.

Уголовно-процессуальное законодательство Бельгии содержит достаточно широкий перечень ограничивающих свободы лица мер, включая предварительный арест (аналог российского заключения под стражу) и домашний арест, а также ограничение на передвижение. Если сопоставлять условия исполнения домашнего ареста, предусмотренного бельгийским уголовно-процессуальным законодательством, с аналогичными правилами российского уголовно-процессуального законодательства, то запреты определенных действий, предусмотренные нормами последнего, являются неотъемлемой частью домашнего ареста в Бельгии. Таким образом, несмотря на то что запреты определенных действий в бельгийском уголовно-процессуальном законодательстве не выделены в качестве самостоятельной меры пресечения, они являются неотъемлемым условием исполнения иных мер пресечения. С практической точки зрения это выглядит более чем обоснованно, поскольку само по себе нахождение под домашним арестом без запрета пользования, например, средствами связи, может не привести к необходимому эффекту изоляции от общества. Также уголовно-процессуальным законом Бельгии предусмотрено применение мер медицинского воздействия [5, 16].

В Швейцарии в качестве альтернативы заключению под стражу предусмотрены запреты определенных действий. Так, статьей 237 Уголовно-процессуального кодекса Швейцарии предусмотрены такие альтернативные меры пресечения, как: внесение денежного залога; сдача паспорта или документов, удостоверяющих личность; требование оставаться или не оставаться в определенном месте или в определенном доме; требование регулярно являться в государственные учреждения; требование выполнять обычную работу; требование о прохождении медицинского лечения или обследования; запрет на установление контактов с определенными лицами [5, 17].

При этом требование оставаться в определенном доме и запрет на установление контактов с определенными лицами прямо коррелируются с запретами, закрепленными в пунктах 1 и 3 ч. 1 ст. 105.1 УПК РФ. Для контроля за такими альтернативными мерами суд может распорядиться об использовании технических устройств и о том, чтобы они были надежно закреплены на человеке, за которым ведется наблюдение.

Отмена и изменение альтернативных мер, а также замена этих мер на более жесткие, в Швейцарии возможны в любой момент по решению суда с учетом вновь открывшихся обстоятельств или по причине ненадлежащего исполнения всех ограничений лицом, в отношении которого такие меры приняты.

Германское уголовно-процессуальное законодательство характеризуется включением мер пресечения в общую систему мер принуждения, среди которых можно выделить заключение под стражу и залог, направленные на обеспечение надлежащего поведения обвиняемого, избираемые по решению суда при определенных обстоятельствах [15]. Схожесть европейского подхода к избранию мер пресечения с российским подходом обусловлена отнесением стран к романо-германской правовой системе. Если же рассматривать меры пресечения, свойственные странам англосаксонской правовой системы, то можно выявить несколько иной подход к их избранию и исполнению.

В Великобритании существуют только две меры пресечения – заключение под стражу и залог. Однако выбор судом той или иной меры пресечения зависит в большей степени не от тяжести совершенного дея-

ния, а от выполнения соответствующим лицом (например, обвиняемым), определенных условий, обозначенных судом. Такие условия обычно определяет не закон, а суд, исходя из обстоятельств конкретного дела. В качестве примера можно привести возможность внесения залога и одновременное наложение запрета на совершение определенных действий (не приближаться к тем или иным лицам или же выезжать за пределы определенной территории).

Примечательно, что Великобритания – это одно из первых государств, установивших судебный контроль в отношении мер пресечения. Так, право личной свободы находится под судебной защитой в Великобритании с начала 18 века. Помимо этого, в законодательстве Великобритании существуют запретительные приказы судов, суть которых сводится к ограничению (запрету) на совершение определенными лицами определенных действий. В качестве примера можно привести «non-molestation order» [8], применяющийся в отношении обидчика жертвы домашнего насилия. В буквальном смысле «non-molestation order» переводится как «приказ о недосаждении».

Еще одним видом судебного запрета является «anti-social behaviour order» [9]. Применение такого запрета возможно только в отношении лиц, имеющих явно выраженное антисоциальное поведение, заключающееся в «злостном» нарушении общественного порядка (пьянство, поджоги, угоны и пр.).

Законом об уголовном судопроизводстве Шотландии предусмотрены лишь две меры пресечения – заключение под стражу и залог, регулируемый частью III Закона. Между тем, такая мера пресечения как залог в данном государстве также характеризуется рядом запретов и ограничений. Прежде всего – это обязанность преследуемого иметь в собственности жилье на территории Шотландии или на ином законном основании. Кроме того, может быть запрещено вмешиваться в работу свидетелей, не препятствовать осуществлению правосудия, не совершать правонарушений (статья 24 Закона об уголовном судопроизводстве) [18].

Среди других стран англосаксонской правовой системы можно выделить и США, где также популярны запретительные меры. Такие меры по своей правовой природе схожи с мерами принудительного характера, а по своему содержанию являются запретами приближаться к определенным лицам или определённым местам. Применяются такие запреты в отношении лиц, обвиняемых или подозреваемых в домашнем насилии, домогательствах и иных подобного рода преступлениях. В рамках «restraining order» (запретительных приказов) суд может обязать ограничить общение с жертвой, или обязать соблюдать дистанцию при нахождении рядом с жертвой или ее жилищем или же ввести любые другие ограничения, связанные с соблюдением дистанции между жертвой и подозреваемым (обвиняемым). Несмотря на общий подход к запретительным приказам, порядок доказывания обстоятельств, равно как и перечень таких оснований, делегирован на уровень штатов.

Вынесение ограничительных приказов свойственно и другим странам мира: Кыргызстану, Грузии, Казахстану, Эстонии, Латвии, Литве, Молдове, а также европейским странам: Австрии и Норвегии [2, 5].

В соответствии с Федеральными правилами уголовного процесса в США вопрос избрания меры пресечения или ее изменения решается в ходе предварительного рассмотрения дела в окружном суде. В отличие от таких стран, как Великобритания, Шотландия или ФРГ, правила уголовного процесса в США предусматривают возможность избрания в качестве меры пресечения не только внесение залога или наложение домашнего ареста, но и личного обязательства. Последнее предполагает не только обязательство являться в определенное время, но и иные ограничения, наложенные судом. К таким ограничениям можно отнести обязательство не покидать жилище в определенное время суток или обязательство не вступать в контакты с лицами, имеющими особый процессуальный статус (например, потерпевшими).

Уголовно-процессуальное законодательство стран бывших союзных республик характеризуется отсутствием единого подхода к избранию мер пресечения, однако можно выделить отдельные общие черты использования запретов. Так, в отдельных странах запрет определенных действий не выделяется в качестве самостоятельной меры, а является частью домашнего ареста (Азербайджан, Узбекистан, Казахстан, Кыргызстан).

Так, согласно ст. 113 Уголовно-процессуального кодекса Кыргызской Республики (далее – УПК Кыргызской Республики) исполнение домашнего ареста предполагает не только ограничение передвижения обвиняемого, но и запрет на его общение с определенными судом лицами, а также на получение и отправку корреспонденции. Особенности нахождения под домашним арестом определяются судом [10].

Узбекское уголовно-процессуальное законодательство допускает в рамках домашнего ареста как запрет на общение, так и запрет на использование средств связи [11].

Если анализировать таджикское уголовно-процессуальное законодательство в части избрания в отношении лиц, имеющих соответствующий процессуальный статус, домашнего ареста, то согласно ст. 110 Уго-

ловно-процессуального кодекса Республики Таджикистан (далее – УПК РТ) [12] исполнение такой меры пресечения предполагает изоляцию лица от общества без содержания его под стражей, но с применением правоограничений, которые с учетом всех обстоятельств определяются судом или судьей. При этом в ст. 110 УПК РТ определен исчерпывающий перечень таких правоограничений, которые, если проводить аналогию с российским уголовно-процессуальным законодательством, схожи с запретами определенных действий. Среди соответствующих правоограничений – запрет на выход из жилища, переговоры и общение с определенными лицами, возложение обязанности отвечать на контрольные телефонные звонки или иные сигналы контроля. Важно отметить, что в силу все той же ст. 110 УПК РТ перечень правоограничений не является исчерпывающим, поскольку к правоограничениям, кроме прямо закрепленных вышеуказанной статьей, могут относиться любые другие меры, обеспечивающие надлежащее поведение и изоляцию соответствующего лица от общества [12].

Обзор положений таджикского уголовно-правового законодательства в отношении избрания домашнего ареста и запретительных мер, в его сравнении аналогичными положениями российского законодательства, позволяет сделать вывод о том, что они являются правоограничениями, применяемыми при избрании домашнего ареста. При этом перечень соответствующих запретов определяется судом исходя из обстоятельств конкретного дела.

Примечательным является то, что вышеприведенная правовая норма носит диспозитивный характер, поскольку перечень запретов и ограничений является открытым. То есть суд, либо судья вправе по своему усмотрению установить в отношении преследуемого лица иные меры, обеспечивающие его надлежащее поведение и изоляцию от общества.

В уголовно-процессуальном законодательстве еще одной из стран постсоветского пространства – Республике Казахстан, аналогично таджикскому уголовно-процессуальному законодательству предусмотрено избрание домашнего ареста с одновременным применением судом запретов и ограничений, предусмотренных законодательством. При этом вызывает интерес подход казахстанского законодателя к надзору за исполнением домашнего ареста с возложенными судом запретами [13].

Так, в республике Казахстан планируется внедрение проекта «Үй қамақ», ориентированного на цифровизацию контроля над процессом исполнения домашнего ареста. В качестве цифровых средств контроля планируется использовать смартфоны с предустановленными программами интервального уведомления о необходимости предоставления отчета о месте нахождения. Проект «Үй қамақ» не имеет аналогов мире и в пилотном режиме в настоящее время апробируется в работе органов уголовного преследования города Актобе.

Видится также интересным закрепленный положениям ст. 165 Уголовно-процессуального кодекса Республики Казахстан запрет на приближение, который нацелен на обеспечение безопасности лиц, участвующих в деле, а его содержание предполагает исключение любого взаимодействия лица, имеющего соответствующий процессуальный статус, с потерпевшим и другими лицами, участвующими в деле.

Стоит отметить, что запрет на «приближение», закреплённый в казахском уголовно-процессуальном законодательстве, схож с аналогичным запретом, закреплённым в законодательстве стран англо-саксонской правовой системы (например, запрет на приближение к жертве домашнего насилия в США). Среди стран постсоветского пространства, в законодательстве которых также предусмотрен запрет на приближение – Республика Беларусь.

Так согласно п. 2.1 ч. 3 ст. 123.1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ) [6], с учетом обстоятельств каждого конкретного дела на соответствующее лицо может быть возложен запрет предпринимать попытки выяснить место пребывания потерпевшего, иных участников уголовного процесса. Что касается общего порядка избрания домашнего ареста и запрета определенных действий, то такой порядок схож с российским подходом. Иными словами, вышеуказанные меры пресечения самостоятельны, но не исключено их совместное применение в случаях, установленных законодательством [6].

Запрет, установленный п. 2.1 ч. 3 ст. 123.1 УПК Беларусь, напрямую соотносится с запретом, установленным ст. 165 УПК Республики Казахстан, а также запретами на приближение, установленными вышеприведенными нормами уголовно-процессуального законодательства иностранных государств и запретительными приказами.

Выводы

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что на примере зарубежного законодательства и положительного опыта применения иных запретительных мер, кроме предусмотренных ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в Российской Федерации имеются достаточно комфортные и опосредованные условия для дальнейшего развития данной процессуальной нормы, ее совершенствования и возможности более тщательного

и скрупулезного регулирования правомерного поведения преследуемого лица в период предварительного расследования и судебного разбирательства.

В связи с этим, мы полагали бы целесообразным введение запрета на приближение в российском уголовно-процессуальном законодательстве, а его исполнение может быть обеспечено применением инновационных электронных средств слежения, позволяющих обеспечить предоставление информации об исполнении меры пресечения в дистанционном формате не просто в режиме геометки, а с подтверждением исполнения в режиме фото и видео фиксации.

Помимо этого, полагаем целесообразным рассмотреть возможность предоставить судам право по своему усмотрению, с учетом данных о личности подозреваемого или обвиняемого, фактических обстоятельств уголовного дела и представленных сторонами сведений устанавливать в отношении преследуемого лица иные меры, обеспечивающие его надлежащее поведение и изоляцию от общества.

Так, например, если в отношении подозреваемого, обвиняемого либо подсудимого не установлен запрет, предусмотренный п. 1 ч. 6 ст. 105.1 УПК РФ, в отношении него представлялось бы уместным применить запрет на выезд из страны, за пределы региона либо муниципального территориального образования на период предварительного расследования, либо судебного разбирательства.

Список источников

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Российская газета. № 249. 2001. 22 дек.
2. Брусницын Л.В. Применение норм УПК РФ, обеспечивающих безопасность участников уголовного судопроизводства: науч.-практ. пособие. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2013. С. 129, 130.
3. Бушная Н. Запрет определенных действий – уголовно-процессуальная новелла // Законность. 2019. № 4. С. 52.
4. Квык А.В. К вопросу о несовершенстве системы средств контроля за нахождением подозреваемого (обвиняемого) под домашним арестом // Российский следователь. 2017. № 4. С. 23 – 25.
5. Рустамов А.А. Сравнительно-правовой анализ запрета определенных действий по уголовно-процессуальному законодательству Российской Федерации и стран англосаксонской правовой системы // Academy. 2019. № 4 (43). С. 72 – 74.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 года № 295-3. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (дата обращения: 28.10.2024)
7. Code de procédure pénale. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154?init=true&page=1&query=code+de+procedure+p9nale&searchField=ALL&tab_selection=all (дата обращения: 28.10.2024)
8. Family Law Act 1996. Part IV Non-molestation orders Section 42. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/27/section/42> (дата обращения: 28.10.2024)
9. Antisocial Behaviour etc. (Scotland) Act 2004: Guidance on Antisocial Behaviour Orders URL: <https://webarchive.nrscotland.gov.uk/20190121031525/http://www2.gov.scot/Publications/2004/10/20154/45721> (дата обращения: 28.10.2024)
10. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 28 октября 2021 года № 129. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/21476/ru?ysclid=m6izfolxe7827413679> (дата обращения: 28.10.2024)
11. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан (утвержден Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 года № 2013-XII). URL: <https://lex.uz/ru/docs/111463> (дата обращения: 28.10.2024)
12. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 3 декабря 2009 года. URL: <https://sud.tj/upload/iblock/392/7t44zgajk0w98lo5b6mm7sctuktkecvzh.pdf?ysclid=m6izi8izbd890858617> (дата обращения: 28.10.2024)
13. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 года № 231-V URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (дата обращения: 28.10.2024)
14. Codice di procedura penale URL: <https://www.normattiva.it/> (дата обращения: 28.10.2024)
15. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия (Научно-практический комментарий и перевод текста. Павел Головненков, Наталья Спица) URL: https://www.sud.gov.kz/sites/default/files/upk_0.pdf (дата обращения 28.01.2025 г.)
16. 19 NOVEMBRE 1808. CODE D'INSTRUCTION CRIMINELLE. URL: https://www.ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_instruction_criminelle_1808/code_instruction_criminelle_1.htm (дата обращения: 28.10.2024)

17. Swiss Criminal Procedure Code of October 5, 2007 (status as of February 1, 2020), Switzerland URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19997> (дата обращения: 28.10.2024)
18. Criminal Procedure (Scotland) Act 1995 URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1995/46/contents> (дата обращения: 28.10.2024)

References

1. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ. Rossiyskaya Gazeta. N 249. 2001. December 22.
2. Brusnitsyn L.V. Application of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation that ensure the safety of participants in criminal proceedings: scientific and practical. manual. 2nd ed., supplemented and revised. Moscow, 2013. P. 129, 130.
3. Bushnaya N. Prohibition of certain actions - a criminal procedure novelty. Legality. 2019. N 4. P. 52.
4. Kvyk A.V. On the issue of the imperfection of the system of means of control over the presence of a suspect (accused) under house arrest. Russian investigator. 2017. No. 4. P. 23 – 25.
5. Rustamov A.A. Comparative legal analysis of the prohibition of certain actions under the criminal procedure legislation of the Russian Federation and countries of the Anglo-Saxon legal system. Academy. 2019. No. 4 (43). P. 72 – 74.
6. Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of July 16, 1999 No. 295-3. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30414958 (date of access: 10/28/2024)
7. Code de procédure pénale. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/texte_lc/LEGITEXT000006071154?init=true&page=1&query=code+de+procedure+p9nale&searchField=ALL&tab_selection=all (accessed: 28.10.2024)
8. Family Law Act 1996. Part IV Non-molestation orders Section 42. URL: <http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1996/27/section/42> (accessed: 28.10.2024)
9. Antisocial Behaviour etc. (Scotland) Act 2004: Guidance on Antisocial Behaviour Orders URL: <https://webarchive.nrscotland.gov.uk/20190121031525/http://www2.gov.scot/Publications/2004/10/20154/45721> (date of access: 28.10.2024)
10. Criminal Procedure Code of the Kyrgyz Republic dated October 28, 2021 No. 129. URL: <https://cbd.minjust.gov.kg/112308/edition/21476/ru?ysclid=m6izfolxe7827413679> (date of access: 28.10.2024)
11. Criminal Procedure Code of the Republic of Uzbekistan (approved by the Law of the Republic of Uzbekistan of September 22, 1994 No. 2013-XII). URL: <https://lex.uz/ru/docs/111463> (date of access: 10/28/2024)
12. Criminal Procedure Code of the Republic of Tajikistan of December 3, 2009. URL: <https://sud.tj/upload/iblock/392/7t44zgajk0w98lo5b6mm7sctuktkecvzh.pdf?ysclid=m6izi8izbd890858617> (date of access; 28.10.2024)
13. Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014 No. 231-V URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852 (date of access: 28.10.2024)
14. Codice di procedura penale URL: <https://www.normattiva.it/> (date of access: 28.10.2024)
15. Criminal Procedure Code of the Federal Republic of Germany (Scientific and practical commentary and translation of the text. Pavel Golovnenkov, Natalia Spitsa) URL: https://www.sud.gov.kz/sites/default/files/upk_0.pdf (date of access 28.01.2025)
16. 19 NOVEMBRE 1808. CRIMINAL INSTRUCTION CODE. URL: https://www.ledroitcriminel.fr/la_legislation_criminelle/anciens_textes/code_instruction_criminelle_1808/code_instruction_criminelle_1.htm (accessed on 28 October 2024)
17. Swiss Criminal Procedure Code of October 5, 2007 (status as of February 1, 2020), Switzerland URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19997> (accessed on 28 October 2024)
18. Criminal Procedure (Scotland) Act 1995 URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1995/46/contents> (accessed on 28 October 2024)

Информация об авторе

Сидоров Я.Ю., судья Центрального районного суда г. Хабаровска; старший преподаватель, Российский университет правосудия, Дальневосточный филиал, sidorov.iar@mail.ru